

РАСПАД ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

То, что последняя в мире империя распадается, не видит лишь слепой. Это порождает и будет порождать много сложных международных и внутренних проблем, о которых пишут и будут писать исследователи разных стран. Я как историк России хочу коснуться лишь одного, но весьма важного и болезненного для русских вопроса истории гибели империи — распада имперского сознания, крушения целых блоков мышления, которыми обосновывалось в сознании миллионов существование имперского режима. Под имперским мышлением я понимаю достаточно целостный комплекс идей, концепций, чувствований, создающих образ империи в России — СССР. По своей природе имперское мышление сложно и противоречиво. Оно включает в себя и внешнеполитические доктрины, которыми разные имперские правительства обосновывали свою политику, и актуальные идеологические схемы, и традиционные ценности страны, и различные аспекты ментальности народа. Здесь необходимо учитывать и динамику в развитии имперских представлений в течение длительного времени, и степень новизны и преемственности имперских идей у разных поколений народа метрополии. Несмотря на противоречивость и динамичность, можно, учитывая их, говорить о повторяющихся устойчивых принципах, на которых возводилось и держалось в сознании людей гигантское здание империи. Это стереотипы имперского мышления, аргументы имперского властвования. Из этих устойчивых стереотипов, как из кирпичиков, строились и политические доктрины, и обыденное сознание народа метрополии.

Зададимся для начала вопросом о том, когда началась империя в России, когда возникли устойчивые стереотипы имперского мышления? Я отношу начало империи к петровским временам. Провозглашение империи в России 30

октября 1721 г. как следствие победы над Швецией совсем не случайно совпало с приобретением Россией действительных атрибутов империи. Конечно, можно утверждать, что империя в России началась свыше тысячи лет назад, когда киевский князь Олег в 911 г. осаждал Константинополь, или 400 лет назад, когда Ермак завоевал Сибирь, а ранее того Иван Грозный захватил Казанское и Астраханское ханства. Но все-таки эти события и — самое главное — осознание их относятся к средневековому мышлению, соответствуя господствовавшей тогда системе ценностей. Конечно, уже тогда были заложены основы имперского властвования путем насильственного завоевания и христианизации, началом переселенческого движения. Мы находим много сходного в поведении испанских конкистадоров в Америке с поведением русских завоевателей Сибири. Вот отрывок из летописи, повествующей, как атаман Ермака Богдан Брязга с пятьюдесятью воинами отправился покорять племя мергенов на Иртыше: "И приехав в первую волость и городок крепкий взял боем и многих лучших мергенов повесил за ногу и розстрелял, и ясак собрал за саблю, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя-царя, чтоб им служить и ясак платить по все годы, а не изменить".¹ Но даже в этом отрывке мы видим типично средневековый "империализм" посланника царя, который ограничивается "приведением к покорности" местного "народца" с тем, чтобы он формально признал власть московского царя и своевременно платил дань.

Принципиальные перемены пронзошли в Новое время, когда изменилась вся система координат внешней политики, а также изменилась средневековая система представлений о мире и месте своей страны в нем. Прежнее архаическое "право" сильнейшего завоевать мыслимую им ойкумену сменилось целостными концепциями международных отношений, в которых стремление к мировому господству было осознано не только как подавление слабейших, но как непрерывная борьба сильнейших за раздел и передел мира. Начало этому процессу положил первый договор о разделе мира между Испанией и Португалией в 1494 г., но, в целом, система была создана после

общеевропейского Вестфальского мира 1648 г., когда было развито и закреплено представление о том, что решение международных задач возможно только с учетом "баланса сил", борьбы и равновесия "концертов" — блоков союзных государств, каждый из которых, стремясь к господству, временно ограничивается более или менее "справедливым" разделом мира. Россия вступила в эту систему международных отношений как полноправный партнер, лишь вытеснив другую империю — Швецию, доминировавшую на севере Европы весь XVII век. Тем самым вместе с выходом на мировую арену произошло осознание своего места в мире и оформлена идея "своей" части "мирового наследия", стали быстро складываться стереотипы имперского мышления в русской редакции.

Разумеется, существует сходство начал имперской политики России с политикой других современных ей государств. Оно основано на многих экономических, политических, мировоззренческих идеях, господствовавших в Европе XVII-XVIII веков (протекционизм, меркантилизм, рационализм и т.д.). Но сейчас мое внимание будет уделено тем специфическим особенностям российской модели имперского мышления, которые, конечно, включают и распространение в других странах идеи имперского господства.

Есть две группы условий, которые определили российский тип имперского мышления. Во-первых, это особенности внутреннего развития страны. Самодержавное правление в ходе реформ Петра резко усилилось, приобрело элементы тоталитаризма. Имперская политика во многом воспроизводила черты внутреннего строя, основанного на крепостном праве, рабском менталитете, полном бесправии сословий, военизации и бюрократизации. Я исхожу из того, что имперская политика от Петра до Брежнева — эманация внутреннего содержания режима.

Во-вторых, это традиционное политическое сознание и идеология допетровской России с характерными для нее представлениями об особой роли России в мировой истории. Здесь — комплекс идей о Москве как "Третьем Риме", о "кровной преемственности" русских князей от римс-

кого императора Августа, о праве России на наследие православной Византии. Конечно, эти идеи не сохранились в прежнем, неизменном виде, но они и сами оставили заметный след в имперском сознании Нового времени, расчистили место для новых имперских элементов властвования. Наиболее типично это в отношении "проблемы Константинополя", которая из религиозно-умозрительной превратилась в идею об освобождении христиан от турецкого ига, затем в идею "ключей Востока" и, наконец, в идею, кратко обозначенную в дипломатии словом "Проливы" как стратегически важной точки цели имперских завоеваний.

Один из важнейших стереотипов имперского мышления был сформулирован в середине XIX века, хотя реально существовал давно. В Министерстве иностранных дел России его называли "influence legitime". Суть его — в сознании неприложного права России, исходя из собственных представлений о безопасности, активно вмешиваться в дела соседей, существенным образом ограничивать их суверенитет. Выход за пределы утвержденных договорами границ, захват чужих территорий понимался как мера защиты собственной территории. Уже в ходе Северной войны Петр отказался выйти из восточной прибалтики (Эстляндии и Лифляндии) и части Финляндии на том основании, что безопасность Петербурга требует некой "барьеры" — зоны, которую контролирует Россия, исходя из своей безопасности. На протяжении столетий мотивировкой захвата чужих земель в политике и массовом сознании было убеждение, что если эти земли не захватим "мы", то это сделают "они", чтобы тем самым угрожать "нам". Важно заметить, что стереотип "influence legitime" возникал как автоматическое следствие контакта России со слабыми соседями. "Россия, — писал накануне Крымской войны М.Н.Муравьев, — коснувшись пределами своими Турции, Персии и других стран, приобрела, по этому преобладающему могуществу ее над соседями своими, неотъемлемое право влияния на политические дела сих стран".²

Реализация такого "неотъемлемого права" была весьма разнообразной, но цель состояла в одном — не допустить враждебных России правительств, упрочения их госу-

дарственности и суверенитета. При выборах польского короля Петр официально предупредил польское правительство: "Желаем быти у вас на престоле какого народу (то есть происхождения — Е.А.) ни есть, только бы не противной России стороны".³ Перешедший русско-польскую границу 60-тысячный корпус войск подкреплял настойчивость желаний России. Эта схема воспроизводилась в истории России неоднократно.

Такой была политика преимущественно в отношении слабых соседей, которые рано или поздно становились объектом агрессии, и их территории аннексировались. Путь компромиссов с целью раздела зон влияния был характерен в отношении с сильнейшими или равными по силе. За свою историю Россия приняла участие в разделе владений Швеции, Речи Посполитой, Османской империи, Персии, Китая, Кореи. Классическими стали разделы Речи Посполитой. Можно говорить о целой дипломатической и идеологической "культуре" раздела чужих земель между империями-союзниками.

Обосновывая имперское поведение России в Польше, историк М.П.Погодин писал: "И в 1773, и в 1793, и в 1795 гг. Россия не сделала никаких захватов, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями".⁴ Здесь мы видим один из распространенных в политике и сознании стереотипов: представление о том, что за пределами России лежат земли, нам "по праву" принадлежащие, потому что там жили или живут славяне. Идея объединения славян под властью России уходит в прошлое. Два аспекта важны. С одной стороны, в этой идее слились и традиции панславизма как осознания близости славянских народов на основе общности крови, веры, языка, культуры, и желанье русских разорвать затянувшееся после падения Византии "национальное одиночество". С другой стороны, благородная идея освобождения южных славян в системе имперского мышления предполагала, как само собой разумеющееся, подчинение славянских народов власти Российской импе-

рии. После освобождения Болгарии от турецкого ига обсуждалась проблема создания на основе Болгарии "Забалканской губернии". Эта же проблема обсуждалась после второй мировой войны. Одновременно захват территорий, населенных "братьями-славянами", воспринимался в русском обществе как некий процесс "собираения исконных земель". Именно так рассматривалось вхождение Украины, расчленение Речи Посполитой. Заметна была и нивелировка других славянских народов в единую массу "православных", идентификация их как русских, что было, например, главным стержнем политики в отношении белорусов и украинцев.

Вопрос о "добровольности" вхождения различных народов в состав Российской империи весьма важен и теперь, даже актуален. Мы имеем здесь дело с рудиментом Средневековья, когда добровольное подчинение России было лишь признанием правителем данного народа русского царя в качестве своего верховного повелителя. Эти подчинения имели часто временный, спекулятивный характер в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств. При этом такой правитель мог вступить в подобные отношения с другими потенциальными сюзеренами, как делали это украинские гетманы. В 1723 г. Петр с раздражением писал: "Всем есть известно, что от времен Богдана Хмельницкого все гетманы являлись изменниками". Это суждение царя было более чем обоснованно: даже Богдан Хмельницкий после Переяславской рады 1654 г. возобновил союз с Крымом и вступил в переговоры о протекторате со шведским королем Карлом X — злейшим врагом России.⁵ Так же было и на Востоке. Дагестанские шамхалы, как и другие владетели Кавказа, могли быть и "холопами" московского царя, и "рабами" шахиншаха Ирана. Но особенность была в том, что раз вступив в добровольное подданство московскому царю, такие властители становились его вечными пленниками, и впоследствии в политических концепциях, а также в массовом сознании империи "добровольность" вхождения рассматривалась как акт вечный, неизменный. Позже "добровольность" вхождения одного властителя под власть другого — более сильного, стала

рассматриваться как действие, выражающее волю всего народа. Любая попытка изменить этот акт воспринималась, согласно нормам вотчинного права, как "измена" холопа своему господину, как "воровство". Примечательно, что провозглашение в марте 1990 г. независимости Литвы президент Горбачев сразу же стал называть "воровским", естественно, не зная как человек, далекий от истории, древнего значения этого термина и забыв, в какое время суток его партия организовала свержение законного правительства 25 октября 1917 г.

Заметно, как в XVIII-XIX веках генеральное направление имперской политики постоянно смещается с запада на восток: Прибалтика, Польша, Балканы, проливы, Кавказ и т.д. Уже в XVIII веке так называемый восточный вопрос занял важное место в системе имперской политики и имперского мышления. Остроту этому вопросу придавали как традиция (религиозно-политический аспект "константинопольского наследия"), так и практические расчеты имперской охоты за "ключами Востока". Неясно, когда, наконец, наступил момент признания за турками их права жить на земле бывшей Византии. По крайней мере, до начала XX века в обиходе русских политиков Стамбул даже спустя 500 лет назывался Константинополем. В системе имперского мышления усилия России по захвату проливов воспринимались как ее долг перед христианским миром и славянами. Идея крестоносной миссии Российской империи была положена в основу "Греческого проекта" Екатерины II, правительство которой активно разрабатывало планы переустройства причерноморья путем создания трех новых империй — Греческой, Дакийской и Албанской — под эгидой русской императрицы. Впоследствии стереотип, выраженный формулой "Крест на Святую Софию", вошел как неперемный элемент имперского сознания, обрекая Россию на многочисленные внешнеполитические авантюры типа Крымской войны.

В представлении о движении на Восток имперское мышление исходило из европоцентристского восприятия мира подобно имперскому мышлению в других странах. Суть европоцентристского стереотипа в том, что движение на

восток есть движение в пустоте, по землям, никому не принадлежащим. Встречающиеся на этом пути этнические и государственные образования воспринимались как "банды" и "скопища". Восточные народы представлялись дикими, необузданными. Действовал принцип "все дикари одинаковы"; от природы несправимы — подлы, коварны и грубы. Важным элементом имперского сознания было убеждение, что иная, кроме христианской, европейской, система ценностей — ложна или ее нет вообще. В имперском сознании на разных его уровнях весь многообразный мир отчетливо делился на мир цивилизованный и мир "дикий", который надлежало покорить. Два главных вывода следовали из этих предпосылок. Оба они вошли в сознание, стали стереотипами. Первый — на "дикие", "бродячие" народы не могут распространяться нормы международного права, принятые между европейскими народами, как и нормы христианской этики. Второй — только жестокость, насилие являются единственным эффективным средством общения с "дикарями".

Полигоном для применения этих имперских принципов стала Кавказская война первой половины XIX века. Эта война носила черты войны на уничтожение, геноцида. Ермолов стал инициатором создания "мертвых зон", в которых сплошному уничтожению подвергалось все живое. Он писал, обосновывая страшные жестокости: "Здесь между народами, загрубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. Один только страх оружия может удержать горцев в покорности".⁶ В полной мере имперские принципы были реализованы при завоевании Средней Азии во второй половине XIX века. Философию империи на Востоке отчетливо отражал канцлер Горчаков. Он писал о необходимости регулярных жестких карательных экспедиций: "Если государство ограничится наказанием хищников и потом удалится, то урок скоро забудется, удаление будет приписано слабости, ибо азиатские народы по преимуществу уважают только видимую силу".⁷ На этом основании была разработана система господства в Средней Азии.

Характерен стереотип, появившийся в то же время:

"Армия есть цивилизатор". Вообще с давних пор русская регулярная армия воспринималась как модель общества в России (вспомним Петра I, Аракчеева). Эта модель полностью воспроизводилась на Востоке. Армия как просветитель "далекого, темного и полудикого Востока" — любимый сюжет пропаганды и представлений русских в отношении Востока. Реальность же "просветительства" замечали немногие, а результат был ужасен. Есть две пословицы, отражающие последствия русского господства: "Там, где ступала нога русского солдата, не растет трава" и другая — афганская: "Вы думаете, что вытираете нам слезы, а сами выдаливаете наши глаза".

Движение на Восток Российской империи не было обусловлено экономическими, торговыми расчетами. Они, если и фигурировали, то были второстепенны. Империя двигалась на восток в силу внутренних законов самой власти, политического режима, постоянно требовавшего агрессии, расширения. Казалось, претензии имперского мышления не знали предела. Во второй половине XIX века в России возобладала подлинная имперская эйфория, судорожное желание не отстать от других имперских хищников, рвавших на куски "свободные" земли. "XIX век есть век окончательного раздела мира между большими народностями земной суши", — писала в 1878 г. газета "Голос" (№ 12). "Прежнее равнодушие к колониальным приобретениям, — утверждали "Новости" в 1883 г. (№ 80), — не может иметь места". В феврале 1884 г. "Русская мысль", отражая мнение военных кругов, сообщала: "Русский отряд в 3-4 тысячи человек мог бы положить конец господству мандариновой династии во всем застенном Китае". Снова возник "Индийский синдром". Как известно, Индия была целью и имперской мечтой всех завоевателей от Александра Македонского до Гитлера. Планы завоевания Индии никогда не исчезали и в России. Уже Петр предпринял попытку основать плацдарм в Персии для похода в Индию; он же попытался захватить Мадагаскар и сделать его перевалочной базой на морском пути в Индию. "Индийский синдром" не миновал и преемников Петра. Образ сказочно богатой страны совпадал с присущей русской ментальности мечтой о Беловодье,

"царстве счастья". Сохранившаяся до сих пор в общественном сознании особая, неизъяснимая теплота к Индии не является ли ностальгией по Индии как жемчужине Российской империи?

В XIX веке не раз ставился вопрос: где предел мира, который мы должны завоевать и освоить? Горчаков писал: "Чем дальше вперед, тем больше трудностей. Такова участь всех государств, поставленных в те же условия: Соединенные штаты в Америке, Франция в Алжире — все неизбежно увлекает на путь того движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости, и где величайшая трудность состоит в умении остановиться".¹ Примечательно, что время Горчакова — апогей масштабов расширения империи. На неуклонном пути в Индию, по которому тянулись железные дороги, строились крепости, Россию остановила Британия, резко выдвинувшаяся к концу XIX века на север Индостана. И здесь следует упомянуть о том, что в имперском сознании уже в XVIII веке был сформулирован стереотип некоего "извечного" главного врага России. Во второй половине XIX века Англия прочно заняла это место. Соперничество с англичанами во всех частях мира называлось "потрясением владычества Британии" и стало навязчивой идеей российского империализма, источником авантур, подобных проекту создания "Добровольческого флота", который должен был прерывать морские коммуникации Англии. Этот стереотип "извечного врага" впоследствии выразился в идее "капиталистического окружения", персонифицировался в образе "американского империализма", оппонировать которому во всех частях света стало непосильной самоцелью СССР.

Политика в присоединенных, аннексированных землях — особая тема, но ее главные принципы — централизация, унификация и русификация — существенным образом влияли на имперское сознание русских — и тех, кто жил в колониях, и тех, кто жил собственно в России. Особенности Российской империи как континентальной империи приводила к стиранию границ собственно России и присоединенных разными путями территорий. Потоки государственной и народной колонизации сливались. Русские

воспринимали империю как Россию, у которой есть центр и "окраины", где живут "какие-то инородцы" (курица — не птица, Польша — не заграница). Происходило естественное освоение этих окраин русскими переселенцами с севера и из центра, что поощрялось правительством: шел процесс русификации других народов, обширные области страны действительно становились русскими (например, Сибирь). Разумеется, это вызывало сопротивление других народов. Представители русского народа — солдаты, переселенцы, чиновники, священники — становились проводниками имперской политики. Образ карателя — генерала, продажного русского чиновника ассоциировался с властью русских как народа, что, собственно, и было. Жестокие подавления национальных движений рассматривались в России, в том числе и среди демократов, как "наведение необходимого порядка", отпор проидам врагов, стремившихся подорвать могущество России. Как мы знаем, среди воспевавших империю были и Пушкин, и Некрасов, и другие гении русского народа.

Разумеется, не все было однозначно, и не все приветствовали успехи карателей. Александр Герцен — совесть русского народа, писал, что разделы Польши "явились первым бесчестием, запятнавшим Россию", а союз с европейской реакцией после освободительной войны 1812-1813 гг. "унизил ее в глазах всех мыслящих людей".⁹ Но не Герцен и другие совестливые и мыслящие люди определяли принципы политики. Принципиально важно, что становление русского самосознания проходило в условиях уже давно существующего сильного государства, которое своим статическим духом пропитывало все поры русской жизни, деформировало сознание миллионов, превращая их в слуг империи. Спротивляться этому тогда, как и до недавних пор, было невероятно трудно.

Подъем национальных движений в Европе второй половины XIX — начала XX веков привел в России к определенному обновлению имперского сознания, в котором общеимперские ценности были интегрированы с национальными, точнее, национал-шовинистическими идеями. Прошлое этому способствовало: традиции церковной изо-

ляции, устойчивые образы врагов — "немцев", "поганых басурман", "спесивых полячишек", "глупых хохлов", "продавших Христа жидов"¹⁰ — все эти стереотипы получают мощную поддержку в имперских по своей сути идеях государственно-охранительной идеологии Победоносцева-Каткова. К этому времени относится усиление русификации, ужесточение режима властвования над "инородцами". Русский гнет в Литве и на Украине становится особенно тяжелым, даже Финляндия лишается к концу XIX века своего "особого статуса" автономии. Известно, что подавление революции 1905 г. с особой свирепостью проходило в Прибалтике, где расстреливали десятки и пороли тысячи крестьян. Естественным следствием роста государственного шовинизма становится рост антисемитизма, появление "черной сотни" и распространение еврейских погромов. Разумеется, автор далек от мысли, что в России все думали так, как Пуришкевич и охотнорядцы.

Примечательно, что одним из важнейших направлений философской мысли России было стремление крупнейших философов обосновать идею великой духовной миссии России, изучить "вселенскую сущность" русской души, рассмотреть идеи "очищения мира" православием. Это было проявлением подъема русского национального сознания, которое дало немало шедевров философской и художественной мысли. Вместе с тем за Россией признавалась особая роль, она поднималась над другими народами, русскому существованию придавалось эсхатологическое роковое предназначение: "Не разрешив своего призвания, — сверхнационального, материкового, — она погнбнет как Россия" (Федотов). Эти философские идеи, адаптированные в упрощенной форме, служили упрочению имперских стереотипов.

1917 год стал моментом перелома: Российская империя под натиском национальных движений начала разваливаться. Но распад ее был приостановлен всей парадигмой революции. Тенденция к возрождению империи была заложена в идеях большевизма. Концепция "мировой революции", которая должна привести к созданию "всемирной коммунии", была антинациональна, не признавала наци-

ональных интересов и границ. Одновременно господствовавшие внутри страны принципы "декларации трудящегося и эксплуатируемого народа" поставили на одну доску с "буржуазными" государствами все правительства соседних республик, если власть в них не принадлежала советам, во главе которых стояли коммунисты. Программа РКП(б), принятая в 1919 г., утвердила, в свою очередь, такую структуру правящей партии, в которой коммунистические партии, стоявшие во главе соседних республик, рассматривались как областные комитеты, строго подчиненные ЦК Российской коммунистической партии (большевиков). Круг замкнулся: спор об "автономизации" или "федерализации", разгоревшийся в начале 20-х годов, с самого начала был бессмысленным.¹¹

Идея мировой революции породила устойчивый стереотип "пролетарского мессианства". Желание в далекой испанской "волости" Гренаде "крестьянам землю раздать" (популярная песня Светлова) стало элементом нового имперского мышления, а начавшаяся вскоре после победы большевиков советская интервенция в соседние республики и страны (а также активная подрывная деятельность в 20-х годах) имела целью создание Всемирной советской социалистической республики, столицей которой должна была стать, естественно, Москва — родина революции и место расположения Коминтерна.

Как колхозы легли в рамки сельской общины, существовавшей тысячу лет, так и новые идеи "пролетарского мессианства" легли в рамки российского имперского сознания прошлого. Собственно, это сознание никогда и не исчезало. XII съезд РКП(б) в 1923 г. констатировал: "Одним из ярких выражений наследия старого следует считать тот факт, что союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, а как начало образования так называемого "единого-неделимого". И в этом нет ничего удивительного — уже в 1919 г. ЦК принял решение: "Наркоматы РСФСР становятся союзными наркоматами и наркомы Украины — их областными уполномоченными". Примечательно и употребление уже в начале 20-х годов термина "советская держава".¹²

Имперские стереотипы полностью владели и умами лидеров белого движения, хотя некоторые из них (Колчак, Юденич) понимали необходимость объединения белых сил с силами национальных образований против большевизма, укрепившегося в центре России. Колчак писал Деникину из Омска: "Вооруженные столкновения с петлюровскими войсками могут иметь гибельные последствия. Вполне разделяя Ваше отрицательное отношение к проявившимся стремлениям отдельных областей присвоить суверенные права и к тенденции воссоздать Российское государство на началах конфедерации, я полагаю, однако, что в сложившейся обстановке более опасны враждебные разногласия, несогласованность, тем более — столкновения отдельных частей освобожденной территории. Дальнейшее промедление в деле свержения большевиков грозит полным разорением государства". Юденич, признавший независимость Эстонии, писал Колчаку 27 октября 1919 г.: "Финляндия готова выступить на основаниях известного Вам договора, потом будет поздно. Сазонов упорно охраняет державные права России, но ведь самой России еще нет, ее нужно создать. Независимая Финляндия — факт, с ним нужно считаться и верить в мощь будущей России, которая сумеет экономическим путем связаться с... ее окраинами. Теперь же каждый месяц торжества большевизма разоряет и губит Россию".¹³ Но такие здравые голоса тонули в великодержавном хоре сторонников "единой-неделимой". Чем это кончилось, — мы хорошо знаем.

30-е годы характерны открытым возрождением тех ценностей и стереотипов Российской империи, которые были интегрированы с марксистскими догмами. Идеи экспорта революции, от чего советская идеология отказывалась с трудом, сочетались с идеями реваншистского "собрания" бывших имперских владений (Польша, Прибалтийских стран, Финляндии, Бессарабии, Порт-Артура). В агрессии против Польши в 1939 г. был использован старинный имперский стереотип "воссоединения славян"; в войне против Финляндии в 1939-1940 гг. наряду с экспортом революции, "пролетарским мессианством", присутствовала имперская идея Петра о создании "барьеры" —

зоны безопасности перед Ленинградом. В идеологии сближения с Германией Гитлера соседствовали идеи обороны перед сплоченным лагерем "англо-французских капиталистов" и просто геополитические расчеты, лишённые "пролетарской" демагогии. Когда речь шла о "зонах влияния", о "жизненных пространствах", о претензиях СССР на Проливы, о будущем разделе мира, советские дипломаты и политические деятели мыслили категориями Екатерины II и её дипломатов, деливших с Австрией и Пруссией Речь Посполитую. Доминантой массового сознания были различные стереотипы, которые можно свести к комплексу "осажденной крепости": самоизоляция, самообеспечение, репрессивный осадный режим внутри страны, надежда, что лагерь злых врагов — "эксплуататоров" будет взорван массовым восстанием пролетариата. Весь набор этих ценностей входил в особую, созданную после 1917 г. "советскую культуру" и этику, свободную от христианских норм и представлений о правах других народов. Миллионы поддерживали захватнические концепции советского правительства. "Правда" писала 3 ноября 1939 г., накануне вторжения в Финляндию, в ответ на беспокойство мирового общественного мнения: "Наш ответ прост и ясен. Мы отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что. Мы обеспечим безопасность СССР, не глядя ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели." И это, к сожалению, не были просто слова.

Весьма распространенным стереотипом была тогда и идея некоего баланса в борьбе с "великодержавным шовинизмом" и "буржуазным национализмом". Реально же с конца 20-х годов термин "национализм", как и в конце 40-х годов "космополитизм", воспринимался как преступное политическое деяние, как бранное слово. В это время начались массовые репрессии против групп национальной интеллигенции, уничтожались культурно-просветительные автономии. Это означало победу русификаторского начала в политике под лозунгом интернационализма. Никакой борьбы с "великодержавным шовинизмом" фактически не велось. Более того, в обще-

ственных науках, литературе и искусстве наметился резкий поворот от вульгарно-социологических идей М.Н.Покровского и ему подобных к открытой реставрации имперских ценностей. Культ Ивана Грозного и Петра I сопровождался возрождением идей великодержавия в массовом сознании.

Особый толчок возрождению старых имперских стереотипов был дан в 40-е годы. Война с Германией была войной за жизнь и независимость. Она пробудила глубокие патриотические чувства, привела к возрождению извращенных марксистской схоластикой национальных ценностей русского народа. Но многие из этих ценностей все же были имперскими. Красная армия была объявлена продолжательницей "славных боевых традиций" российской (имперской) армии, вожди имперских войн России были восстановлены в своих правах, как и имперские чины, униформы и награды. Сталин оказался в одном ряду с князьями, царями и генералами — создателями империи. Он воспринимался не только как "вождь мирового пролетариата" и "отец всех народов", но прежде всего как русский национальный герой. Современник вспоминает, что Сталин хвалил артиста Дикого за то, что он, исполняя роль Сталина, не нмитировал грузинский акцент и тем самым показал, что "товарищ Сталин принадлежит русскому народу и русской культуре".¹⁴ Все это преследовало ясную цель: Сталин видел себя властителем государства, построенного на принципах Российской империи, которые требовали "русской игры" на престоле (вспомним императрицу Александру Федоровну в 1913 г. в кокошнике, головном уборе русских женщин). Обстановка войны подготовила полное воссоздание структур Российской империи. Никого не удивило заявление Сталина в 1945 г., что война с Японией — это месть за поражение России под Цусимой и Порт-Артуром. Это отвечало потребностям массового сознания.

Все вышесказанное — исторические условия возникновения и развития комплекса имперских идей, которые застали наши современники. Основные стереотипы имперского мышления сегодня воспроизводят и традиционные имперские ценности Российской империи, и стере-

отипы советских лет. Но самое важное состоит в том, что не существует отдельно национального русского сознания и имперского российско-советского мышления. Это две стороны одной медали. Происходящее на наших глазах крушение империи и основ имперского мышления (как и основ марксистской идеологии), есть крушение и русского национального сознания, единого с имперским.

Основной вывод о тождественности русского и имперского сознания является положение о том, что тоталитаризм в СССР, имеющий корни в политическом режиме Российской империи, построен на отсутствии свобод, начал гражданского общества, на этатизме и жестком полицейско-бюрократическом порядке. В сознании людей государство — не часть общества, не некий инструмент, это — само общество. И наоборот, общество — это и есть государство. Всему этому соответствует такое представление, согласно которому интересы народа, общества идентичны интересам и целям государства, которое является империей.

Рассмотрим ныне распадающиеся структуры имперского сознания. Важнейшим из стереотипов был "комплекс сверхдержавы". В нем продолжалась линия православного, а потом пролетарского мессианства. Советский Союз воспринимался как особый центр мира, "оплот всех прогрессивных сил", "Мекка коммунизма". Отсюда активная, подчас авантюристическая политика постоянного оппонирования Западу, разжигание конфликтов во всем мире. Претензии на титул "сверхдержавы" были крайне важны для имперского типа сознания. В них находила выражение мечта о мировом господстве в православном или пролетарском виде. В комплексе "сверхдержавы" находили оправдание высокие траты на вооружение страны. Бедность народа оправдывалась высокими жертвами ради цели — решать судьбы мира как сверхдержава. Здесь виден и стереотип "главного врага. Место Англии прочно заняли США, и целью жизни поколений была объявлена гонка с американцами — от космоса до спорта. Итог оказался плачевным: гигантские военные расходы, превосходящие реальные потребности обороны; провалы политики в "третьем мире"; гибель коммунистических режимов в Европе; разорение собственной страны.

Долгие годы старый имперский принцип "influence legitime", право вмешательства в дела соседей, облекался в имперском мышлении в неоспоримое право "помогать строить" или "исправить" там социализм. Одновременно отчетливо выражалась идея гарантии безопасности СССР путем вмешательства в дела сопредельных стран, как вечное право СССР — "державы-победительницы". Ялтинские решения 1945 г. на уровне имперских доктрин сталинизма воспринимались не как временные решения устройства послевоенной Европы, а как получение "своей" доли из германского наследия, точно так же, как в 1940 г. переговоры Молотова и Гитлера вращались вокруг якобы бесхозного британского имущества. На уровне массового сознания насилие в странах Восточной Европы (Берлин 1953 г., Будапешт 1956 г., Прага 1968 г.) воспринималось как абсолютно оправданное пролитой кровью солдат на пути в Берлин. Оправдывал насилие и синдром боязни войны, которая, как полагали многие, неизбежна после прорыва капиталистическим окружением буферной зоны "социалистического лагеря". В 1968 г. с доверием был принят миф о готовящемся вторжении ФРГ в Чехословакию, в 1979 г. — об угрозе американской оккупации Афганистана при Амине.

Стереотип "интернациональной помощи", которой прикрывались вторжения и вмешательства, в имперском мышлении был связан с той ведущей ролью, которую отводил себе Советский Союз в мире, — освободителя человечества от "эксплуатации." Оказать интернациональную помощь означало не только спасти или насадить новый режим, правительств, но и перенести советские — значит, лучшие — ценности, распространить советскую схему жизнеустройства, начиная с пионерских отрядов и кончая метро и колхозами. Это воспринималось как священный долг, обязанность, которая требует жертв.

Осознание поражения в мировой гонке с США, горечь ухода из Восточной Европы, технологическое отставание и т.д. — все это приводит людей, живших имперскими стереотипами, к ощущению гигантского "мирного военного поражения" (Ю.Черниченко), капитуляции, к ощущению роста опасности и беззащитности перед лицом извечного

врага. Многим представляется, что кровь, пролитая в годы войны, оказалась напрасной. Известное выступление генерала А.Макашова на партконференции КПСС о том, что нас изгоняют без боя из стран, которые освободили наши отцы",¹⁵ выражает мнение не только генералитета, но гораздо более широкого круга советских людей.

Уход из буферной зоны воспринимался как угроза "социалистическому отечеству" — уникальному острову социальных завоеваний, который окружает море капитализма со страшным чудовищем "эксплуатации". Разрушение "социалистического лагеря" есть подрыв основ советского общества. В этой обстановке человек империи, "homo sovieticus" в отчаянии пишет письмо в редакцию газеты: "Стране нужна военная диктатура, которая бы навела порядок. Мы, простые люди, устали от словопрений наших "парламентариев", от роста преступности, от пустых полок и безудержного роста цен, а впереди "светит" еще и возврат к капиталистическому строю, то есть все огромнейшие, неисчерпаемые жертвы, которые понес наш народ ради освобождения от гнета — псу под хвост?! Чтобы этого не произошло, власть должны обязательно ради спасения социалистического Отечества взять военные. Нужен Сталин! Дай-то Бог всемогущий, озари того, кто поведет СССР твердой рукой!"¹⁶

Рассмотрим стереотипы имперского сознания, обращенные внутрь страны. Первым и самым важным следует признать стереотип централизма. Мир в русском сознании строго централизован и одновременно — иерархизован. Москва — центр советской Ойкумены, это "красный угол" империи, самое лучшее и важное — только там. Затем идет худшая, непривилегированная "провинция" (собственно Россия), "окраины" — национальные республики, "социалистический лагерь" — страны с ограниченным суверенитетом, "прогрессивные силы в мире" и т.д. Рост национальных движений на "окраинах" воспринимается в центре крайне болезненно, ибо это, помимо прочего, нарушение привилегий центра, нарушение принятых норм и стереотипов. Имперский стереотип — в убеждении, что только в Москве можно решить все проблемы страны. Но это

требует жесткого подчинения всем указаниям Центра. Сопротивление таким указаниям рассматривается как бунт, затеянный врагами Москвы. И тогда вступает в силу имперский принцип: "задавим — заставим!" Это девиз войск ОМОН, действовавших в Тбилиси и Вильнюсе.

Даже в демократической среде стереотип централизма чрезвычайно распространен. Нюансы отношений политических личностей и группировок в центре кажутся важнее позиции всех "провинций" и "окраин". Можно говорить о своеобразном московском интеллектуальном империализме, основанном на стойком убеждении, что только в Москве решается судьба страны. Мы видим, как один писатель (Залыгин) упрекает литовцев за то, что они забыли, откуда пошла перестройка; как другой писатель (Борщяковский) призывает эстонцев не забывать, на какой уровень жизни они поднялись с 1940 г.. Наконец, академик Шаталин убедительно показывает невозможность для прибалтийских республик жить без Союза в силу их экономической слабости, отсутствия конкурентоспособных товаров и т.д. Возможно, что все это так. Но при этом отсутствует понимание, что стремление к свободе естественно, иррационально и уже само по себе придает оптимизм и веру в лучшее будущее. Один из ранних героев русского писателя — нынешнего фундаменталиста Василия Белова на вопрос председателя колхоза: "Куда ты уходишь, ведь хорошо там, где нас нет?", отвечает: "Вот я и хочу туда, где вас нет."

Тесно связан с предыдущими стереотип патриархальности: представление об империи как большой иерархизированной, дружной семье. В пропаганде и массовом сознании есть образ, отражающий общинное восприятие империи: за общим столом сидят братья; старший (русский) брат во главе стола, остальные — по краям, в соответствии с иерархией. Часто употреблялся термин "малые народы" применительно к малочисленным народам. Как известно, слово "малые" обозначает также и маленькие, слабые, требующие покровительства или, если "шалят", примерного наказания. И здесь нет преувеличения: объясняя экономическую блокаду Литвы весной 1990 г., тогдашний премьер Н. Рыжков сказал: "В Литву не поставляют

нефть и частично газ. Надо, чтобы товарищи все-таки почувствовали, как жить в нашей единой семье".¹⁷

Покровительство оказывает "старший брат" — русский народ. Это еще один из имперских стереотипов. Самооценочные свойства своего характера — терпение, доброта, отзывчивость, бескорыстие — признаются как бы особой привилегией русского народа, и эти свойства распространяются на режим империи, идет ли речь о зарубежных партнерах Союза или его нерусских членах. Президент Горбачев говорил зимой прошлого года: "Конечно, были перекосы, но не русский народ виноват в них. Россия, русские всегда делились всем... И не потому, что русские — колонизаторы. Какие мы колонизаторы — достаточно посмотреть как распределяется национальный доход между республиками".¹⁸ Более откровенно высказался русский писатель В. Астафьев: "Мы лелеяли братство народов, делая вид, что не замечаем, как иные братья паразитируют на добрых чувствах народов России, сосут ее природные богатства".¹⁹ Кстати, теми же идеями пронизаны выступления некоторых эмигрантских деятелей культуры (Лимонова, Максимова). Здесь мы тоже видим целый пласт имперского мышления. Во-первых, это комплекс "колониальной неблагодарности" (В. Чалидзе) — убеждение народа метрополии, что его добрые чувства оскорбляются, его официально подчеркиваемая первая роль принижается, и поэтому жертвы, которые он принес на алтарь общего отечества, напрасны, а ожидания лучшей жизни — обмануты. Во-вторых, это убеждение, что Россия не есть метрополия, что нет никакой империи, так как Россия живет хуже своих "колоний". Это ложная посылка, ибо во всех империях метрополии никогда не представляли оазисов процветания, и богатства из колоний распределялись неравномерно (в противном случае Маркс не сумел бы организовать в Европе свой "Интернационал"). Эти утверждения сводят на нет собственные современные достижения народов бывших метрополий, так как объясняют их только наличием колоний в прошлом. Наконец, нынешнее положение России естественно: народ метрополии несет главное бремя имперского господства в стране и претензии на мировое господство. Его материальные издержки неизбежны.

Существует также устойчивый "комплекс безгрешности русского народа" — убеждение, что империя создавалась и поддерживалась только верхушкой, стоящей у власти. Народ же всегда был жертвой и жил "по совести", по законам нравственности. Разумеется, солдаты, убивающие афганских женщин, были такими же жертвами империи, как и все подобные имперские солдаты, но они же были и носителями имперских идей. Общественный опрос весной 1990 г. показал, что осознание вины своей страны перед другими народами испытывает только 1% опрошенных.²⁰ А между тем, история послевоенной Германии показывает, что чувство ответственности за преступления своего правительства в прошлом — важнейший стимулятор восстановления морали в обществе.

В восприятии многих русских Советский Союз, как и во времена Российской империи, идентичен России, точнее России с "окраинами". Эти "окраины" не воспринимались как самостоятельные республики, а лишь как ранжированная система административного деления единого централизованного государства. Это отвечало и реальной системе господства в империи. Россия — СССР является континентальной империей со всеми последствиями этого состояния: неясностью границ расселения разных народов, беспрепятственностью переселений из Центра. Есть и постоянное, регулируемое сверху смещение народов. Русский человек, переехав на "окраину", часто воспринимал живущие исконно на этой земле народы как экзотику, особенности ландшафта, быта. Он чувствовал себя, как дома (популярная песня времен Брежнева: "Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз"). Прозрение для многих наступило только теперь. И вот здесь проходит отчетливый водораздел в сознании русских людей, вдруг понявших, что они живут не на "окраинах России", а за ее границами. Одни, — главным образом в Средней Азии и Закавказье, — видя подъем национального сознания мусульманских народов и усиление исламского фундаментализма, страшатся повторения Ферганы и Сумгаита. Они, почувствовав себя беззащитными, начинают возвращаться на землю своих предков — в Россию. Другие, — осо-

бенно в Прибалтике, — исходят из того, что новые суверенные страны, возникающие на обломках империи, их родина, и они сами, а не Москва, должны решить свою судьбу. В этом смысле происходит кристаллизация сознания, близкого к тому, которое сложилось у англичан в Северной Америке и у испанцев и португальцев в Центральной и Южной Америке, восставших, в конечном счете, против родных королей и ощутивших себя не полностью идентичными с теми англичанами, испанцами и португальцами, которые остались в Европе. И это самый перспективный путь, на котором есть возможность сохранить свою культуру и не потеряться в окружении других народов. И, наконец, третьи — ничего слышать не хотят, они полны агрессивного желания "восстановить порядок", чтобы жить на началах так называемого социалистического интернационализма.

Это тоже один из разрушающихся стереотипов империи — "единая социалистическая нация — советский народ". В идее всеобщего слияния можно видеть два уровня. Во-первых, для коммунистов национальные проблемы стояли в едином ряду с экономическими, культурными и сельскохозяйственными, т.е. решаемыми по плану. План их разрешения состоял в слиянии всех наций в одну "советскую". Во-вторых, образование "единой советской нации" означало фактически сплошную русификацию для нерусских народов, утрату многих специфических черт культуры — для самих русских.

Центральная власть планомерно уничтожала национальные отличия путем постоянных насильственных и добровольных переселений людей, смешиванием их в лагерях и на "стройках коммунизма". Малочисленные народы растворялись в массе "советского народа", говорящего, между тем, на русском языке, но утратившем все свои достоинства и превратившимся в некую "иоворечь" (по Оруэллу), "птичий язык" коммунистов-бюрократов.

Реально же национальные проблемы сохранили остроту. Русификация привела к тому, что нерусским быть было стыдно. История советских евреев, вынужденных скрывать фамилии и имена своих отцов, — типична. Одновременно

русские испытывали комплекс национального превосходства. Этому способствовала политика КПСС, расставлявшая на все ключевые места в управлении русских или предельно русифицированных "инородцев". Кроме того политика внутри страны всегда была последовательно антисемитской на государственном уровне, что не могло не растлевать сознание русских. Как и прежде, в России сохранялось пренебрежительное отношение к народам Востока. В этом смысле характерен "афганский синдром". В начале войны было распространено убеждение, что "эти бородатые мужики в широких штанах" не выдержат натиска наших танков и вертолетов. Теперь же неудачи, трагедия поражения, объясняются не мужеством афганского народа, а глупостью Брежнева и его компании. В рассказах ветеранов сопротивление афганцев фигурирует как природные трудности: ветер, снег, лавина на пути идущего к своей цели белого человека.

Что империя распадается, — знают все. Но что будет потом с Россией, — не знает никто. Будет ли она демократическим государством или останется сколком с "большой" империи? Что вынесем мы, русские из-под обломков разваливающегося здания империи? — В этом состоит главный вопрос. Резкое усиление русского шовинизма, причем в весьма неприглядных формах, — один из путей развития России. Однако слабость этого направления очевидна, ибо нельзя вернуться в прошлое, и попытка "патриотов" соединить воедино идею незыблемости границ с отдельными постулатами марксизма, неприемлемого для большинства русских, явно терпит неудачу. Но есть немало симптомов будущих серьезных проблем. Вот одна из них. Накануне российских выборов в парламент 1990 г. блок десяти "общественно-патриотических движений России" включил в свою программу такой пункт: "Территориальные пределы Советской России произвольно устанавливались в 20-е годы и произвольно изменялись в последующие десятилетия. В случае выхода какой-либо союзной республики из состава СССР Россия будет добиваться того, чтобы суверенитет республики распространялся на все исконные принадлежащие ее много-

численным народам земли".²¹ Мы хорошо знаем, что лежит за понятием "исконно принадлежащие земли". Но этот блок правых партий не победил на выборах. Победили демократы. И вот один из них — либеральный генерал Волкогонов, выступая с трибуны российского съезда, сказал: "Нам нужно недвусмысленно заявить всем нашим друзьям, соседним республикам, что сегодня мы не имеем ни к кому никаких территориальных претензий. Но это будет оставаться только до тех пор, пока мы будем вместе. В случае, если кто-либо захотел бы уйти из нашего Союза, этот пункт автоматически прекращает свое действие".²²

Другая проблема возникла в свете подписания союзного договора. Суть ее состоит в том, найдут ли согласие народы России и не узурпирует ли российский центр право нерусских народов России подписывать договор. И в столицах многих бывших автономных республик думают об этом так, как, например, в Казани: "Наше отношение к порядку подписания договора логически вытекает из Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР, которая была принята 30 августа прошлого года. Реализуя ее основополагающие положения, Верховный совет ТССР на апрельской сессии внес изменения в конституцию, и республика Татарстан объявлена суверенным государством. А чуть раньше при рассмотрении проекта союзного договора было решено, что наша республика подписывает этот исторический документ самостоятельно и непосредственно, что она выступает соучредителем Союза ССР" (интервью председателя Верховного Совета Татарстана М.Шаймиева газете "Правда" 18 мая 1991 г.) Было бы наивно думать, что в этом можно видеть лишь происки Старой площади. Все эти и многие другие проблемы реальны и могут обостриться.

Возвращаясь к распаду имперского сознания, мы можем констатировать, что кризис русского национального сознания преодолим и есть основания для осторожного оптимизма: уж слишком резко, кардинально меняется отношение русских людей к проблеме империи. Многие приветствовали высказанную А.Солженицыным мысль: "Нет у нас сил на окраины — ни хозяйственных сил, ни духовных! Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались

она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель... Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих — и духовным, и телесным спасением нашего же народа".²³ Да, знакомое по истории англичан, французов, португальцев желание сбросить жернова "имперского властвования" пришло и к нам. И не беда, что оно идет не столько от демократизма, сколько от здравого, трезвого чувства реальности. Истина очевидна — империя умерла в сознании миллионов. Об этом убедительно свидетельствуют социологические опросы населения России. Так, социологический опрос на тему "Отношение к выходу Прибалтийских республик из состава СССР", проведенный в Ленинграде, Пскове и Нарве среди русского населения, показал, что 66% ленинградцев, 59% псковичей и 53% жителей Нарвы не согласны с тем, чтобы центральное правительство воспрепятствовало выходу Прибалтийских республик из Союза. Это позволило социологам сделать вывод: "Во всех рассматриваемых регионах преобладает не только понимание права республик на самоопределение, но и понимание недопустимости вмешательства в реализацию этого права". Примечательно, что против имперского подхода к решению этого вопроса высказались соответственно 77, 65 и 64% людей моложе 30 лет, т.е. те, за кем будущее России.²⁴ Все это позволяет надеяться на то, что будут вестими слова, высказанные М. Джиласом в 1989 г.: "Я твердо верю, что уменьшившееся в размерах, но уверенное в себе, открытое и демократическое русское государство будет давать русским гораздо меньше поводов для самокопания и сделает их более счастливой нацией, в той мере, в которой русские вообще могут быть счастливы. Представьте себе, что будет означать для свободных людей во всем мире исчезновение этого последнего бастиона всеобщей несвободы вслед за исчезновением всех прежних тираний!"²⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 "Сибирские летописи". СПб. 1907, стр. 333
- 2 "Из бумаг М.Н. Муравьева". СПб. 1898, стр. 12
- 3 Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л., 1989, стр. 83-84
- 4 Погодин М.Н. Исторические размышления об отношениях Польши к России. — В: "Историко-критические отрывки", кн. I, М., 1846, стр. 423
- 5 Анисимов Е.В. Указ. соч., стр. 187
- 6 "Материалы по истории Дагестана и Чечни", Махачкала, 1940, стр. 9,10,60,61....
- 7 Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880, стр. 22
- 8 Там же, стр. 23
- 9 Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах, т. 7, М., 1956, стр. 140-150.
- 10 Ленин во времена борьбы с империей писал: «Стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не назовут иначе как "полячишка", как татарина не высмеивают иначе чем "князь", украинца иначе как "хохол", грузина и других кавказских инородцев как "кавказский человек"». (Ленин В.И. «К вопросу о национальностях или об "автономизацию"». Сочинения, XLV, стр. 356-362)
- 11 См. Ф. Силницкий. Национальная политика КПСС. 1917-1922. Вашингтон., стр. 263

- 12 "Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет", М., 1968, стр. 572-573; "Известия" ЦК КПСС", 1989, N 12, стр. 163
- 13 Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926, стр. 261-262
- 14 Сурков Е.Д. Воль, которая еще во мне. /"Советский экран", 1988, N 13
- 15 "Известия", 21 июня 1990 г.
- 16 "Аргументы и факты", N 52, 1990
- 17 "Известия", 26 мая 1990
- 18 "Известия", 13 мая 1990
- 19 Астафьев В. Спасет только чудо. "Родина", 1990, N 2, стр. 81
- 20 "Московские новости", 18 марта 1990
- 21 "Советская Россия", 30 декабря 1990
- 22 "Аргументы и факты", N 50, 1990
- 23 Солженицын А. Как нам обустроить Россию. М., 1990, стр. 2
- 24 "Час пик" (Ленинград), 9 июля 1990 г.
- 25 "Проблемы Восточной Европы", N. 23-24, Нью-Йорк, 1989, стр. 108